

Людмила Гарбуль*Вильнюсский университет**Кафедра русской филологии**Universiteto 5, 01513 Vilnius, Lietuva**Тел.: (370-5) 268 72 24**E-mail: liudmila.garbul@ff.vu.lt***МЕЖСЛАВЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ-ПОЛОНИЗМЫ В РУССКОМ ПРИКАЗНОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА**

*В статье в общих чертах затрагивается проблема формирования в XVII–XVIII вв. русского литературного языка нового типа и указываются некоторые факторы, так или иначе оказывавшие влияние на его становление: роль приказного языка в этом процессе, а также иноязычное, а именно польское, влияние, которое осуществлялось через этот язык в указанный период. Основное же внимание уделяется анализу истории лексем: **оказанье** ‘доказательство, свидетельство, подтверждение’, **окопъ** ‘ров с насыпью вокруг чего-л.; земляное укрепление в виде рва с насыпью’, **окопаться** ‘вырыть окопы для укрытия в них; укрыться от (военной) опасности за вырытым рвом с насыпью’, **побудитель** ‘тот, кто побуждает, подстрекает к чему-л.; поощряет что-л.’, **подбуженье** ‘поощрение; побуждение, подстрекательство к чему-л.’, **посторонний** ‘иностранный, чужеземный; внешний’, обнаруженных в документах Посольского приказа XVII в., с целью доказать, что эти внутриславянские дериваты в русском письменном языке XVI–XVII вв. являются межславянскими лексическими заимствованиями-полонизмами.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *третье южнославянское влияние, церковнославянско-русская диглоссия, церковнославянско-русское двуязычие, приказной язык, «простая мова», польско-русские языковые контакты, внутриславянские дериваты, межславянские заимствования, полонизмы.*

Семнадцатое столетие – это переломный период, время начала коренных революционных перемен в истории русского языка, которые в восемнадцатом столетии приведут к образованию литературного языка нового типа, в той или иной степени ориентированного на разговорную речь. Так, уже с начала XVII в. намечаются зачатки перестройки отношений между русским и церковнославянским языком, а на протяжении второй половины этого столетия происходит преобразование церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие, но поскольку последнее предс-

тавляет собой нестабильную языковую ситуацию, то русский язык постепенно присваивает себе права и функции литературного языка, церковнославянский же язык начинает выступать лишь в роли культового языка. И все эти преобразования на великорусской территории следует связывать непосредственно с третьим южнославянским влиянием, в процессе которого «имеет место наслоение (перенесение) югозападнорусской языковой ситуации (два книжных языка: «словенский» и «простой» или «русский») на великорусскую (один книжный язык: «словенский», он же и «русский»)»¹.

¹ УСПЕНСКИЙ, Б. А. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва, 2002, с. 472.

Что касается языковой ситуации в самой Юго-Западной Руси (Великое княжество Литовское – далее ВКЛ) в XVI–XVII вв., то можно констатировать перенесение сюда «польской языковой ситуации, которая и приводит к становлению церковнославяно-русского двуязычия по модели латинско-польского двуязычия: церковнославянский язык непосредственно коррелирует с латынью, а «проста мова»² – с польским литературным языком»³. В отличие от языковой ситуации в ВКЛ, на великорусской почве, как отмечает Б. А. Успенский, «заимствуется именно языковая ситуация – заимствуется само понятие «простого языка», который понимается в югозападнорусском смысле, т. е. как литературный язык, противопоставленный церковнославянскому и с ним конкурирующий»⁴. При этом, если церковнославянский язык югозападнорусской редакции непосредственно влиял на великорусский церковнославянский язык, то непосредственное влияние «простой мовы» исключалось из-за отсутствия парного эквивалентного явления в великорусских условиях. Однако, будучи сама создана на основе актового канцелярского языка ВКЛ, «простая мова» в XVI–XVII вв. могла оказывать влияние на приказной язык Московского государства (далее МГ). А уже со второй половины XVII в. она явно соотносится с русским «простым диалектом» Московской

Руси, и с конца XVII–начала XVIII в. на великорусской территории появляются произведения, которые, по утверждению их авторов, написаны на «простом» языке⁵. Примечательно, что язык некоторых из этих текстов, а многие из них представляют собой переводы, в той или иной степени насыщены полонизмами. Для нас же особый интерес представляет история перевода с латыни *Географии генеральной* Б. Варения, выполненного Ф. Поликарповым в 1718 году. Первый вариант перевода был забракован Петром I, а переводчик получил указание начальника Монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина: «...высоких словъ славенскихъ класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова»⁶.

Как известно, Посольский приказ занимал очень важное место в Московском государстве XVI–XVII вв. Здесь были собраны переводчики, дьяки, подьячие – наиболее образованные люди того времени. В указанный период дипломатическая переписка была практически единственным возможным видом фиксации различных отклонений от книжной (литературной) языковой нормы. И, по мнению ряда исследователей⁷, именно приказной язык, и в частности язык официальных дипломатических документов, играл очень важную роль в становлении русского литературного языка нового типа. А так как в XVI–XVII вв.

² Определение этого понятия см. УСПЕНСКИЙ, сноска 1, с. 388–392, а также МОЗЕР, М. Что такое «простая мова»? In *Studia Slavica*, Budapest, 2002, t. 47, № 3–4, с. 221.

³ УСПЕНСКИЙ, сноска 1, с. 394.

⁴ УСПЕНСКИЙ, сноска 1, с. 490.

⁵ УСПЕНСКИЙ, сноска 1, с. 490–494.

⁶ Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. In *Русский архив*, 1868, № 7–9, стлб. 1054.

⁷ См.: ВИНОГРАДОВ, В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* Москва, 1982, с. 34–35, 55; УНБЕГАУН, Б. Язык русского права: На темы русские и общие. In: *Сб. статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева*. New York, 1969, с. 312–318.

язык дипломатической корреспонденции МГ был в значительной степени насыщен полонизмами⁸, то это создавало определенные предпосылки и для усиления польского влияния на литературный язык Московской Руси.

Следует заметить, что польско-русским языковым контактам в XVI–XVIII вв. уделялось достаточно большое внимание в науке XX в.⁹, тем не менее эта проблематика далеко не исчерпана в силу как объективных (незавершенность издания исторических словарей польского и восточнославянских языков), так и субъективных (от исследователя требуется тончайшая языковая интуиция еще на стадии отбора языкового материала ввиду отсутствия, как правило, формальных признаков заимствования при контактировании генетически родственных языков) причин и остается актуальной до сих пор. Так, изучая польское влияние на русский язык на материале документов Посольского приказа XVII в., мы выявили ряд лексических полонизмов, до сих пор не попадавших в поле зрения других

исследователей, а, кроме того, в нескольких случаях верифицировали те гипотетические полонизмы, которые в работах по польско-русским языковым контактам приводились без какой-либо аргументации, призванной подтвердить неисконность самих лексем либо отдельных их значений для русского языка¹⁰. В данной статье мы остановимся на истории еще шести лексем и попытаемся доказать, что они также являются заимствованиями из польского языка.

ОКАЗАНИЕ (1)¹¹ *суц. с.* Доказательство, свидетельство, подтверждение: А для подлинные въдомости и *оказаныя* тѣ ихъ печатные книги, въ которыхъ... и про насъ великого государя... писаны злые укоризны... (1653)¹².

Это слово представляет собой отглагольное существительное, образованное от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **kazati*, 1 л. ед. ч. **kazŕo* (<**kazjŕo*) 'показывать, делать знак' (откуда вторично – 'говорить') < и.-е. корень, вероятнее всего, **keg* '-: **kek* '- 'появляться', 'блестеть, сиять', 'светить', 'увидеть'¹³.

⁸ См. KOCHMAN, S. *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII w.* Wrocław, 1967; KOCHMAN, S. Полонизмы в росийской корреспонденции дипломатической (1487–1571). Cz. I. In *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, ser. B. 1965, Nr. 1, s. 37–54; KOCHMAN, S. Полонизмы в росийской корреспонденции дипломатической (1487–1571). Cz. II. In *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, ser. B. 1972, Nr. 8, s. 63–74; KOCHMAN, S. Полонизмы в росийской корреспонденции дипломатической (1487–1571). Cz. III. In *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, ser. B. 1973, Nr. 9, s. 33–42; KOCHMAN, S. Полонизмы в росийской корреспонденции дипломатической (1487–1571). Cz. IV. In *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, ser. B. 1974, Nr. 10, s. 15–42; KOCHMAN, S. Nie zauważone polonizmy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej. In *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, ser. B. Nr. 23, s. 29–35.

⁹ Наиболее полную библиографию исследований по этому вопросу см.: WITKOWSKI, W. *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Zestawił Wiesław Witkowski. Kraków, 1999, s. XI–XXII.

¹⁰ См. ГАРБУЛЬ, Л. П. К проблеме семантических полонизмов в русском приказном языке первой половины XVII в. In *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 2002, № 51 (2), с. 49–62; ГАРБУЛЬ, Л. П. Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII в. In *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 2003, № 52 (2), с. 187–192; ГАРБУЛЬ, Л. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII в. In *Studia Slavica*. Budapest, 2004, t. 49, № 1–2, с. 27–43; ГАРБУЛЬ, Л. К истории некоторых полонизмов в русском языке. In *Respectus Philologicus*, 2004, № 6 (11), с. 45–55.

¹¹ Здесь и далее цифрой в скобках указано количество употреблений анализируемой лексики в наших материалах.

¹² *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссіею*, Санкт-Петербургъ, 1897, т. 16, с. 791.

¹³ BERNEKER, E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1924, t. I, s. 497–498; BRÜCKNER, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1974, s. 223; SŁAWSKI, F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1958, t. II, s. 110–112; ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О. Н. Трубачева. Москва, 1967, т. II, с. 159, 160; ШАНСКИЙ, Н. М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1982, т. II, вып. 8, с. 17–18; *Этимологический словарь славянских языков*. Москва, 1983, вып. 9, с. 168–170 (далее ЭССЯ).

В историческом словаре русского языка наиболее ранняя регистрация слова *оказание*, датированная 1644 г., иллюстрирует именно интересное нас значение¹⁴. В этом значении в упомянутом выше лексикографическом источнике лексема представлена единственным примером из *Списания богородицкого ключаря Ивана [Наседки] от божественного писания обличительно на королевичева немчина Матвея*. Мы обнаружили это существительное в документе середины XVII в., отражающем межгосударственные отношения МГ с Польшей. Наше внимание эта лексема привлекла по следующим причинам: во-первых, характером памятников, на которые приходится наиболее ранние ее фиксации, а во-вторых, тем, что мотивирующий ее глагол *оказати* 'сделать очевидным, доказать', по данным указанного исторического словаря, отмечается несколько позже мотивируемого им существительного и приводится по памятникам, язык которых насыщен заимствованиями из западноевропейских языков, или дипломатическим документам по сношениям МГ с Польшей¹⁵.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *okazać*, 'wystawić na widok publiczny, pokazać, pokazujać (publicznie) udowodnić' известно с XV в.; с этого же времени (с конца 60-х годов XV в.) в старопольской письменности представлено и *okazanie* 'rozstrzygnięcie, declaratio vel decisio, decretum iudicus'¹⁶. А со второй половины XVI в. существительное засвиде-

тельствовано в памятниках письменности и в значении 'dowód, świadectwo'¹⁷, однако далее XVII в. судьба его для польского языка в этом значении уже не прослеживается, хотя само слово продолжало употребляться еще и в XIX в.¹⁸ В словарях современного польского языка эта лексема отсутствует вообще. Судя по приведенной информации, *okazanie* могло быть образовано как в самом старопольском, так и заимствовано из старочешского языка, где сама лексема *okazanie* известна уже с первой половины XV в., а в анализируемом нами значении 'prokazani, dokazani, potvrzení' – со второй половины – конца XV в.¹⁹ С нашей точки зрения, последнее представляется более вероятным.

С середины XVII в. *оказанье, оказание, оказанье* в интересующем нас значении регистрируется в «простой мове», причем в историческом словаре белорусского языка оно представлено единственной иллюстрацией из сильно полонизированного текста²⁰. Что касается дальнейшей судьбы этого существительного в изучаемом значении, то ни для одного из восточнославянских языков, по имеющимся у нас на данный момент сведениям, история его далее XVII в. не прослеживается, хотя в других значениях, появившихся позже, оно продолжает употребляться в русском и белорусском языках до настоящего времени²¹.

Сопоставление приведенной выше инфор-

¹⁴ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва, 1987, вып. 12, с. 315 (далее *СлРЯ XI–XVII вв.*).

¹⁵ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14.

¹⁶ *Słownik staropolski*. Warszawa, 1965–1969, t. V, s. 550 (далее *SlStp*).

¹⁷ *Słownik polszczyzny XVI w.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1992, t. XXI, s. 169 (далее *SlP XVI*); RECZEK, St. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, s. 291.

¹⁸ *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. Warszawa, 1904, t. III, s. 731 (далее *KARŁOWICZ*).

¹⁹ *Staročeský slovník*. Praha, 1984, D. IV, s. 372 (далее *SlStj*).

²⁰ *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Мінск, 2002, вып. 22, с. 122 (далее *ГСБМ*).

²¹ *Словарь современного русского литературного языка*. Москва; Ленинград, 1959, т. 8, стлб. 765 (далее *ССРЛЯ*); *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, Мінск, 1977, т. 1, с. 206 (далее *ТСБМ*).

мации позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что в русском письменном языке XVII в. *оказание, оказанье* является лексическим полонизмом, поскольку в памятниках оно впервые фиксируется именно в исследуемом нами значении. В «простой мове» это значение было самым поздним (в двух других значениях слово встречается уже в первой половине – середине XVI в.), но и в данном случае мы склоняемся к мнению о заимствовании самой лексемы, так как во всех трех значениях в XVI–XVII вв. она обнаруживается, как правило, в текстах, насыщенных полонизмами²². В заключение заметим, что «простая мова» могла выступать в роли посредника при заимствовании этого существительного русским языком.

ОКОПЪ (4) *сущ. м.* Ров с насыпью вокруг чего-л.; земляное укрепление в виде рва с насыпью: А в Запорогах де, государь, козаков в *окопе* заперлося 7000, и норяду... у них в *окопе* много поставлено (1635)²³. И одное ночи окопались а заняли *окол* велик не по своему войску в запас, надеясь себе посылку от короля (1649)²⁴. И одное ночи окопались а заняли *окопъ* великъ... (1649)²⁵.

Это существительное является безаффиксным производным от префиксально-постфиксального деривата, восходящего к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **kopati*,

1 л. ед. ч. **kopaję* ‘копать, вскапывать, рыть’ < и.-е. корень, возможно, *(s)*kēp*–: *(s)*kōp*–: *(s)*kāp*– ‘разрезать, раскалывать’²⁶.

До сих пор считалось, что эта лексема появилась в русской письменности в конце 70-х г. XVII в.²⁷ Однако наши данные позволяют датировать ее появление четырьмя десятилетиями ранее. При этом все обнаруженные случаи употребления *окопъ* в первой половине XVII в. приходится на дипломатические документы по сношениям МГ с Польшей и Вкл. Войдя в лексический состав русского языка в XVII в., это слово продолжало активно употребляться в XVIII–XIX вв. и бытует до настоящего времени²⁸.

Учитывая характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации анализируемого существительного, а также то, что мотивирующий его глагол *окопаться*, по нашему мнению, является полонизмом (см. о нем ниже), мы предполагаем, что и существительное представляет собой заимствование, а не самостоятельное образование в русском языке.

Обратимся к польскому языку. Здесь *okop* ‘rów lub wał otaczający jakieś miejsce; jako obiekt wojskowy’ и ‘obóz wojskowy otoczony szancami, umocnieniami ziemnymi’ известно с конца 60-х годов XVI в.²⁹. В значении ‘rów z wałem służący do celów obronnych, szaniec’ это слово продолжало

²² ГСБМ, сноска 20.

²³ *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*. Москва, 1953, т. 1, с. 147 (далее ВУР).

²⁴ ВУР, сноска 23, 1953, т. 2, с. 300.

²⁵ *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссією*. Санкт-Петербург, 1861, т. 3, с. 392 (далее АЮЗР).

²⁶ BERNEKER, сноска 13, s. 562–564; BRÜCKNER, сноска 13, s. 254–255; ЧЕРНЫХ, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва, 1999, т. I, с. 426–427 (далее ИЭСРЯ); ŚLAWSKI, сноска 13, s. 450–451; ФАСМЕР, сноска 13, с. 317; FRAENKEL, E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Göttingen, 1955, Bd. 1, s. 217–218; ШАНСКИЙ, сноска 13, с. 302–303; ЭССЯ, сноска 13, 1984, вып. 11, с. 18–20.

²⁷ *СлЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, с. 337.

²⁸ *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Санкт-Петербург, 1822, ч. IV, стлб. 279 (далее САР); ДАЛЬ, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1979, т. II, с. 666; ССРЯ, сноска 21, стлб. 803.

²⁹ SiP XVI, сноска 17, с. 245.

активно употребляться в XVII–XIX вв., отмечается оно и в современном польском языке³⁰.

С конца XVI – начала XVII в. *окопъ* ‘акоп’ появляется в письменности ВкЛ, причем все наиболее ранние регистрации приходятся на сильно полонизированные тексты, а мотивирующий его глагол *окопатися* ‘акапацца’ засвидетельствован позднее, только с начала XVII в., и тоже в памятниках, насыщенных полонизмами³¹. В интересующем нас значении мы находим исследуемую лексику в лексикографическом источнике, фиксирующем украинский язык XIX в.³², представлена она и в словарях современного белорусского (*акон*) и украинского (*окон, okin*) языков³³.

Анализ фактов из истории лексики *окопъ* в восточнославянских и польском языках дает, на наш взгляд, достаточные основания для вывода о том, что в первых она, вероятнее всего, является заимствованием из польского. При этом в русский письменный язык это существительное проникло, очевидно, благодаря посредничеству «простой мовы». В данном случае сомнения может вызывать лишь место ударения в восточнославянских языках, отличное от акцентуации слова в польском языке. В связи с этим возможны следующие комментарии: *окопъ* могло быть заимствовано

уже с ударением на корне, так как в польском языке второй половины XVI в., как отмечает А. Баньковский, оно встречалось преимущественно в форме множественного числа (*окопу*) и лишь sporadически – в форме единственного (*окоп*)³⁴, однако не исключено, что перенос ударения произошел и в самих принимающих языках, поскольку в них для большинства префиксальных отглагольных существительных с нулевым суффиксом характерно ударение на корне.

ОКОПАТИСЯ (4) *глагол. сов.* Вырыть окопы для укрытия в них; укрыться от (военной) опасности за вырытым рвом с насыпью: И в то же пору король из города выбежал, а стал на поле, *окапався* рвом (1607–1608)³⁵. И одно ночи *окопались* а заняли окоп велик не по своему войску въ запасъ... (1649)³⁶. И одно ночи *окопались* а заняли окоп велик... и сели в осаде в тележном обозе, *окапався* (1649)³⁷.

В словообразовательно-морфологическом аспекте *окопатися* является постфиксальным производным от *окопати* (о его происхождении см. выше).

В памятниках русской письменности этот глагол впервые отмечается с конца 50-х годов XVI в. в тексте летописи при описании военных действий с участием другой державы³⁸. Следует заметить, что случаи регистрации

³⁰ *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1973, т. II, с. 54 (далее *SlPaska*); LINDE, S. B. *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1809, т. III, с. 500; KARŁOWICZ, сноска 18, с. 743; *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1963, т. V, с. 929 (далее *SlJP*).

³¹ *ТСБМ*, сноска 20, с. 150.

³² ГРИНЧЕНКО, Б. *Словарь української мови*. Берлін, 1924, т. II, с. 51.

³³ *ТСБМ*, сноска 21, с. 212; *Словник української мови*; Київ, 1974, т. V, с. 675 (далее *СУМ*).

³⁴ BAŃKOWSKI, A. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Warszawa, 2000, т. 2, с. 403. Кстати, это подтверждается и материалами исторического словаря польского языка, согласно которым интересующая нас лексема в исследуемом значении в XVI в. чаще встречается в форме множественного числа (см. *SlP XVI*, сноска 17, с. 245).

³⁵ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. 4 (1508–1608 гг.)*. Сборник Русского Исторического Общества. Санкт-Петербург, 1912, т. 137, с. 407.

³⁶ *АЮЗР*, сноска 25.

³⁷ *ВУР*, сноска 24.

³⁸ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, с. 338.

этого слова в XVI в. единичны. Мы обнаружили его в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ первой половины XVII в. И вообще большая часть его употреблений в XVII в., судя по данным исторического словаря, приходится именно на дипломатические документы³⁹.

Выше мы высказывали предположение, что *окопаться* в русском языке может быть заимствованием из польского. И на это указывает не только характер памятников, в которых глагол встречался во второй половине XVI–XVII вв., но и то, что мотивирующее его *окопати* ‘укрепить путем окапывания, обвести насыпью или рвом’ впервые регистрируется в русской письменности только в 1594 г., причем текст памятника приводится по списку XVII в., а как военный термин этот глагол вообще фиксируется с конца 40-х годов XVII в. в дипломатических документах по связям МГ с Польшей и ВКЛ⁴⁰.

В старопольском же языке *okopać* ‘*usuwać, otoczyć umocnieniami ziemnymi*’ засвидетельствовано со второй половины XV в.⁴¹ А с середины XVI в. в памятниках регистрируется и *okopać się* ‘*otoczyć się szanćami, umocnieniami ziemnymi*’⁴², которое активно употреблялось в XVII–XIX вв. и бытует в польском языке до настоящего времени⁴³.

С начала XVII в. *окопаться* ‘акапацца’ появляется в текстах на «простой мове», причем в памятниках, язык которых испытал

сильное польское влияние⁴⁴. Далее мы находим этот глагол в интересующем нас значении в лексикографическом источнике, отражающем украинский язык XIX в.⁴⁵. Представлено это слово и в словарях современного белорусского (*акапацца*) и украинского (*окопатися*) языков⁴⁶.

По нашему мнению, приведенные выше факты из истории *окопаться* в восточнославянских и польском языках подтверждают предположение о том, что в русский письменный язык и «простую мову» второй половины XVI – начала XVII в. эта лексема была заимствована из польского. Как и в случае с *окопть*, пояснения требует акцентуация глагола в русском языке (ударение на суффиксе, тогда как в польском оно на корне). На наш взгляд, это можно объяснить результатом адаптации в воспринимающем языке: происходит перенос акцента по аналогии с *окопати*, регистрирующимся в древнерусских памятниках с X–XII вв.⁴⁷. Ведь известно, что в восточнославянских языках ударение в постфиксальных глаголах падает на тот же слог мотивирующей основы, что и в мотивирующем глаголе.

ПОБУДИТЕЛЬ (1) *суц. м.* Тот, кто побуждает, подстрекает к чему-л.; поощряет что-л.: И короля его милость наклонил, чтоб те вещи к миру могли прийти, о чем король... не ведает, а не может домыслиться, кто есть прямой посредник и побудитель до того миру... (1653)⁴⁸.

Это существительное образовано путем

³⁹ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, с. 338.

⁴⁰ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, с. 338.

⁴¹ *SlSp*, сноска 16, s. 558.

⁴² Еще раньше, в первой половине XVI в., в том же значении в польском языке встречается *okopawać się* (см. *SlP XVI*, сноска 17, s. 246).

⁴³ *SlPaska*, сноска 30; *KARŁOWICZ*, сноска 18, s. 743; *SlUP*, сноска 30.

⁴⁴ *ГСБМ*, сноска 20, с. 149.

⁴⁵ ГРИНЧЕНКО, сноска 32, с. 53.

⁴⁶ *ТСБМ*, сноска 21, с. 209; *СУМ*, сноска 33, с. 675.

⁴⁷ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Москва, 2000, т. VI, с. 112; *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, с. 337.

⁴⁸ *ВУР*, сноска 23, 1953, т. 3, с. 265.

суффиксации от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках праслав. **buditi*, 1 л. ед. ч. **bužp* (< **budjō*) 'будить, пробуждать', каузативу к праслав. **bъděti* 'бодрствовать' < и.-е. база **bheudh-*: **bhoudh-*: **bhudh-* 'бодрствовать', 'будить', 'просыпаться', 'соблюдать', 'обращать внимание, замечать'⁴⁹.

На данный момент обнаруженный нами случай употребления этого слова следует считать наиболее ранней его фиксацией в русской письменности. В лексикографических источниках оно отмечается со второй половины XVIII в. и в значении 'тот, кто или то, что побуждает к чему-л.' активно употребляется в русском языке до настоящего времени⁵⁰.

Наше внимание анализируемая лексема привлекла по следующим причинам: во-первых, она была зарегистрирована в переводном дипломатическом документе, отражающем контакты МГ с Польшей и ВкЛ, во-вторых, мотивирующий ее глагол *побудити* 'склонить, побудить к какому-л. действию', известный с конца 20-х годов XVII в. и впервые встречающийся в переводном с польского тексте⁵¹, по нашему мнению, является семантическим полонизмом. Обратимся в связи с этим к польскому языку. Здесь *pobudzić*, *zachęcić*, *podnieścić*, *podnieść*, *porachnąć kogoś do czegoś* засвидетельствовано с конца XIV в.,

а существительное *pobudzieli* 'ten, kto pobudza, zachęca, podżega' – со второй половины XVI в. и употребляется в польском языке до сих пор⁵².

К сожалению, мы пока не располагаем достоверными сведениями о наличии слова *побудитель* в письменности ВкЛ, хотя, судя по характеру памятника, в котором оно было обнаружено нами, нельзя исключать возможности его бытования в «простой мове» XVII в. Глагол же *побудити* 'выкликаць, узбудzić' отмечается с начала XVI в.⁵³, то есть значительно раньше, чем в русском языке. Для XVIII–XIX вв. история интересующего нас существительного в белорусском и украинском языках не прослеживается, не представлено оно и в словарях современного белорусского и украинского языков.

Сопоставление приведенной выше информации дает, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы считать *побудитель* заимствованием из польского, а не самостоятельным образованием в русском языке.

ПОДЪУЩЕНИЕ (1) *сущ.* с. Поощрение; побуждение, подстрекательство к чему-л.: И люди его королевские милости самовольные, которые в тот часъ с *подъушенья* вашего государя убитого, ...повстали были против его королевские милости... (1613)⁵⁴.

В словообразовательном плане анализируемая лексема представляет собой суффиксальное производное от префиксального

⁴⁹ BERNEKER, сноска 13, s. 106–107; BRÜCKNER, сноска 13, s. 47; ИЭССРЯ, сноска 26, с. 117; ПЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1959, т. I, с. 21; SLAWSKI, сноска 13, 1952, т. I, с. 48; ФАСМЕР, сноска 13, 1964, т. I, с. 141, 230; FRAENKEL, сноска 26, s. 62; ЭССЯ, сноска 13, 1976, вып. 3, с. 76–77, 109.

⁵⁰ САР, сноска 28, стлб. 1158; ДАЛЬ, сноска 28, 1980, т. III, с. 138; ССРЛЯ, сноска 21, 1961, т. 10, стлб. 50–51.

⁵¹ СЛРЯ XI–XVII вв., сноска 14, 1989, вып. 15, с. 135.

⁵² BAŃKOWSKI, сноска 34, s. 644; SiStp, сноска 16, 1970–1973, т. VI, s. 197; RECZEK, сноска 17, s. 328; SiP XVI, сноска 17, 1997, т. XXV, s. 138; LINDE, сноска 30, 1811, т. IV, s. 763; KARŁOWICZ, сноска 18, 1908, т. IV, s. 293; SiLP, сноска 30, 1964, т. VI, s. 551.

⁵³ Словник мовы Скарыны. Складальнік У. В. Анічэнка. Мінск, 1984, т. 2, с. 29.

⁵⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. 5 (1609–1615 гг.). Сборник Русского Исторического Общества. Санкт-Петербург, 1913, т. 142, с. 392.

глагола, который в этимологическом аспекте является спорным словом. Ряд исследователей возводит его к имеющему общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках праслав. *usta 'рот', 'губы', форме им. пад. мн. ч. от *usto (?) < и.-е. корень **ōus*:- **aus*- с расширителем -t- 'рот', 'губа', 'устье, гавань'⁵⁵. В последнее время появилось и другое объяснение происхождения глагола *устити*⁵⁶: от праслав. *ust-i-ti, 1л. ед. ч. *ustij (?) 'разжигать, разводить (огонь)' от гипотетического *ustь (<*ous-t-o-s) 'растопка' от глагольного корня *us- 'жечь; топить', ср. лат. *ūro, ussi, ustum*, 'жечь, палить; сжигать', 'разжигать, распалать, воспламенять'⁵⁷. На наш взгляд, эта точка зрения заслуживает внимания и дальнейшей разработки, однако пока не хватает достоверных данных, подтверждающих ее.

До сих пор считалось, что *подушение* в памятниках письменности появилось со второй половины 50-х годов XVII в.⁵⁸, но наши материалы позволяют более чем на четыре десятилетия уточнить его хронологию, так как нами это слово было обнаружено в дипломатической корреспонденции 1613 г. по сношениям МГ с Польшей и ВкЛ. Учитывая это, а также то, что исследуемое существительное значительно отдалено во времени от мотивирующих его глаголов *подуцати* 'подготавливать, подучивать' (более чем двумя столетиями), *подустити* 'подговорить,

подучить' (более чем столетием)⁵⁹, можно предположить неисконность первого для русского языка.

Так, в старопольском языке *poduszczenie* 'zachęcenie, namowa, pokusa; pobudzenie, podburzenie, podjudzenie' известно уже с начала – первой половины XV в. и в этом значении продолжало употребляться в XVI–XIX вв.⁶⁰. И в современном польском языке оно бытует в составе устойчивых сочетаний: *z czyjegoś poduszczenia, za czymś poduszczeniem* (zrobić, popełnić co) 'będąc przez kogoś poduszczonym'⁶¹. Однако в польском, как и в русском, это существительное, видимо, не является самостоятельным образованием, а, вероятнее всего, представляет собой кальку с латинского *suggestio* 'podsuwanie myśli', 'rada', поскольку глаголы, которыми оно могло бы быть мотивировано, регистрируются позже: *poduszczać* 'podstępnie doradzać, namawiać, podpowiadać, podniecać' с середины – второй половины XV в., *poduścić* 'podstępnie doradzić, namówić, podpowiedzieć, podniecić' со второй половины XV в., а *poduszczyć* в том же значении – с 60-х годов XVI в.⁶².

Что касается дальнейшей судьбы этой лексемы в русском языке, то она активно употреблялась еще в XVIII–XIX вв., но в словаре современного русского языка уже сопровождается пометой «устар.»⁶³. В известных на данный момент лексикографи-

⁵⁵ BRÜCKNER, сноска 13, s. 426, 596; ФАСМЕР, сноска 13, 1971, т. III, с. 49; ФАСМЕР, сноска 13, 1973, т. IV, с. 172.

⁵⁶ В древнерусском языке *устити, уиу* 'побуждать' отмечается с XI в. (См. СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Санкт-Петербург, 1903, т. III, стлб. 1282–1283).

⁵⁷ BAŃKOWSKI, сноска 34, s. 668.

⁵⁸ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1990, вып. 16, с. 70.

⁵⁹ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1990, вып. 16, с. 69, 70.

⁶⁰ *SlStp*, сноска 16, 1970–1973, т. VI, с. 279; *SlP XVI*, сноска 17, 1998, т. XXVI, s. 95; LINDE, сноска 30, 1811, т. IV, s. 830; KARŁOWICZ, сноска 18, 1908, т. IV, с. 432.

⁶¹ *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Pod redakcją S. Dubisza. Warszawa, 2003, т. 3, s. 267 (далее *USJP*); SKORUPKA, S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1974, т. 1, s. 705.

⁶² BAŃKOWSKI, сноска 34, s. 668; *SlStp*, сноска 16, 1970–1973, т. VI, с. 279, 280; *SlP XVI*, сноска 17, 1998, т. XXVI, s. 96.

⁶³ ДАЛЬ, сноска 28, 1980, т. III, с. 213; *ССРЛЯ*, сноска 21, 1961, т. 10, стлб. 673.

ческих источниках других восточнославянских языков она отсутствует. Однако судя по характеру памятника, в котором существительное *подбуженье* встретилось нам, оно могло бытовать, по меньшей мере, в «простой мове» XVI–XVII вв.

Опираясь на представленные выше факты, мы склоняемся к выводу, что в русский письменный язык начала XVII в. анализируемая лексема, вероятнее всего, проникла из польского. Следует подчеркнуть, что такое объяснение ее происхождения в русском языке не вызывает возражений и с формальной точки зрения (фонетический облик, акцентуация).

ПОСТОРОННИЙ *прил.* (1). Иностранный, чужеземный; внешний: А о томъ милосердаго Бога молимъ, чтобы намъ достигнуть своего Царьского престола вскорѣ, и очистить бы и оборонити все Московское государство отъ всѣхъ *постороннихъ* недруговъ... (1616)⁶⁴.

Эта лексема, вероятнее всего, представляет собой суффиксальное производное на базе предложно-падежного сочетания **po storně* ‘возле, подле, рядом, по соседству’⁶⁵, оба компонента которого имеют общеславянское распространение и соответствия в других индоевропейских языках: праслав. **po* ‘по’ с возможной и.-е. базой **rōs* ‘при, у’, ‘от’, ‘из’, ‘сзади, вслед’, ‘после’ и праслав. **storna* ‘бок, сторона’ > и.-е. база **ster-n-*: (**stor-n-*) ‘расширять, распространять’⁶⁶.

В историческом словаре прилагательное *посторонний* отмечается в шести значениях, четыре из которых сопровождаются пометой «ср. польск. *postronny*»⁶⁷. Наиболее ранние его фиксации в русской письменности, согласно указанному выше лексикографическому источнику, относятся ко второй половине XVI в. в значении ‘внешний, исходящий извне, со стороны’ прилагательное засвидетельствовано в *Назирателе*, переведенном в последней четверти XVI в. с польского языка, а в значении ‘иностранный’ – в *Польских делах* под 1563 г.⁶⁸ И именно в таком употреблении *посторонний* было обнаружено нами в дипломатическом документе, отражающем межгосударственные контакты МГ с Польшей в первой четверти XVII в.

Если обратиться к польскому языку, то здесь *postronny* ‘*cudzy, obcy; ościenny, pograniczny, sąsiedni, sąsiedzki; cudzoziemski*’ было известно с первой половины XVI в., в том числе и в составе словосочетания *postronny nieprzyjacieli* ‘*hostis externus, zewnętrzny nieprzyjacieli*’⁶⁹. В этом широком значении прилагательное продолжало употребляться в польском языке также в XVII–XIX вв.⁷⁰ И еще в словаре, регистрирующем польский язык первой половины XX в., оно, наряду с другими значениями, представлено и в значении ‘*sąsiedni, sąsiedzki, pograniczny, ościenny;*

⁶⁴ *Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою комиссією*. Санкт-Петербургъ, 1841, т. 3 (1613–1645 гг.), с. 68.

⁶⁵ Это словосочетание в указанном значении регистрируется в древнерусском (*по сторонамъ*) и старопольском (*po stronie*) языках (см. СРЕЗНЕВСКИЙ, сноска 55, стлб. 524; *SlSp*, сноска 16, 1977–1981, т. VIII, с. 470).

⁶⁶ BRÜCKNER, сноска 13, с. 423, 519; *ИЭССРЯ*, сноска 26, с. 46–47, 206; ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, сноска 48, 1959, т. II, с. 84, 133–134; ФАСМЕР, сноска 13, 1971, т. III, с. 292–293, 768.

⁶⁷ На наш взгляд, нет достаточных оснований для выделения в качестве отдельных значений: ‘чужой, не свой’, ‘соседний, находящийся около, рядом’, ‘внешний’, ‘иностранный’ или, по меньшей мере, для разграничения двух последних значений, особенно в отношении таких случаев, как *посторонний недруг*, *посторонний неприятель*, в историческом словаре русского языка (см. *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1991, вып. 17, с. 248), как это не делается в польской исторической лексикографии (см. *SlP XVI*, сноска 17, 2000, т. XXVIII, с. 214–216; RECZEK, сноска 17, с. 356; *Sl Paska*, сноска 30, с. 190; LINDE, сноска 30, 1811, т. IV, с. 959; KARŁOWICZ, сноска 18, 1908, т. IV, с. 768).

⁶⁸ *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1991, вып. 17, с. 248.

⁶⁹ *SlP XVI*, сноска 17, 2000, т. XXVIII, с. 214–218.

⁷⁰ *Sl Paska*, сноска 30, с. 190; LINDE, сноска 30, 1811, т. IV, с. 959; KARŁOWICZ, сноска 18, 1908, т. IV, с. 768.

zamiejscowy, zagraniczny⁷¹, тогда как в лексикографических источниках второй половины XX в. мы находим эту лексему уже только в значении 'nie należący do danego grona, środowiska, nie zaangażowany w jego sprawę; obcy, cudzy, nie swój'⁷².

Что касается дальнейшей судьбы слова *посторонний* в русском языке, то в лексикографии это слово впервые фиксируется с 30-х годов XVIII в. в значении 'чужой, не свой'⁷³, а с первой четверти XIX в. – и в значении 'не имеющий к чему-л. прямого отношения; побочный'⁷⁴; в обоих этих значениях прилагательное употреблялось в XIX в., бытует оно и в современном русском языке⁷⁵. Таким образом, история анализируемой лексики в том значении, в котором она впервые появилась в русской письменности, пока далее XVII в. не прослеживается. На данный момент мы не располагаем сведениями о наличии этого прилагательного в «простой мове», не удалось его обнаружить и в словарях, отражающих белорусский и украинский языки XVIII–XX вв.

Приведенная выше информация по истории *посторонний* в русском и *postronny* в польском языках позволяет, по нашему мнению, выдвинуть предположение о том, что в русском языке это прилагательное, видимо, является полонизмом (с последующей закономерной субституцией: *ro* > *opo*). При этом в самом польском языке *postronny* может быть заимствованием из старочешского (с последующей закономерной субституцией: *ra* > *ro*), так как там *postranný* 'vedlejší' отмечается уже с конца 60-х годов XV в.⁷⁶.

Резюмируя результаты наших наблюдений, сформулируем некоторые выводы:

1. Анализ истории представленных выше шести лексем, до сих пор не привлекавших внимания этимологов, показывает, что, несмотря на общеславянское распространение и праславянскую древность их корнеслова и других словообразовательных аффиксов, эти внутриславянские дериваты в русском языке являются не самостоятельными образованиями, а, вероятнее всего, были заимствованы из польского, что позволяет пополнить список лексических полонизмов, проникших в русский письменный язык XVI–XVII вв., еще шестью новыми единицами. Кроме того, эти материалы могут быть использованы для дополнения и уточнения информации, содержащейся в этимологических и исторических словарях русского языка.

2. В четырех (а возможно, и в пяти) из шести рассматриваемых нами случаях заимствования, по-видимому, осуществлялись в результате сложных языковых контактов. Так, *оказание* (*оказанье*), *посторонний* проникли в русскую письменность XVI–XVII вв., очевидно, в результате чешско-польско-восточнославянских контактов, а *подушение* (*подъушенье*) – предположительно, в результате латинско-польско-русских. При заимствовании же русским письменным языком из польского лексем *оказание* (*оказанье*), *окопъ* роль посредника, вероятнее всего, играла «простая мова». Не исключено, что она могла также способствовать и заимствованию *окопаться*.

⁷¹ *SLP*, сноска 30, 1964, т. VI, с. 1145.

⁷² *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1982, т. II, с. 845; *USLP*, сноска 60, с. 424.

⁷³ В памятниках русской письменности это значение засвидетельствовано с конца 70-х годов XVII в. (см. *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1991, вып. 17, с. 248).

⁷⁴ В русском письменном языке в этом значении лексема встречается с конца XVII в. (см. *СлРЯ XI–XVII вв.*, сноска 14, 1991, вып. 17, с. 248).

⁷⁵ *САР*, сноска 28, 1822, ч. V, стлб. 55; *ДАЛБ*, сноска 28, 1980, т. III, с. 346; *ССРЛЯ*, сноска 21, 1961, т. 10, стлб. 1546–1547.

⁷⁶ *StSl*, сноска 19, 1996, d. V, с. 818.

3. Для *окопъ*, *побудитель*, *подущение* (*подъущенье*) уточнена хронология (установлено более раннее время их появления в русской письменности). А, как известно, хронологические данные играют важную роль в установлении направления влияния и самого факта заимствования при контактировании генетически родственных языков.

4. Из шести рассмотренных нами лексем три (*окоп*, *окопаться*, *побудитель*) продолжают

активно употребляться и в современном русском языке. *Оказание* и *посторонний* также бытуют в современном русском языке, однако в проанализированных значениях их судьба прослеживается только до XVIII в., то есть в этих значениях в настоящее время они уже представляют собой лексико-семантические архаизмы, а лексема *подущение* является устаревшей и перешла в пассивный слой лексики.

Liudmila Garbul

Vilnius University

Department of Slavic Languages

INTERSLAVIC BORROWINGS-POLONISMS IN RUSSIAN OFFICE LANGUAGE OF THE 17TH CENTURY

Summary

The article tackles the problem of the new Russian literary language formation in the 17–18th centuries and points out some factors having influenced it. They are as follows: the role of office language in that process and the influence of the Polish language, which manifested through the office language at that period. The main emphasis is put on the analysis of

the history of such lexemes: **okazanje** ('evidence, witness, confirmation'), **okop** ('trench'), **okopatisia** ('open trenches and hide from enemies in them'), **pobuditel** ('a person who encourages somebody to do something'), **podushchenje** ('the act of encouraging'), **postoronnij** ('stranger, foreigner'). The listed lexemes are found in the documents of the ambassador's order in the 17th century and they prove the intra-Slavic derivatives in the Russian written language of the 16–17th centuries to be inter-Slavic lexical borrowings-polonisms.

KEY WORDS: the third southern Slavic influence, ecclesiastical Slavic-Russian diglossia, ecclesiastical Slavic-Russian bilingualism, office language, "prostaja mova", Polish-Russian language contacts, intraslavic derivatives, interslavic borrowings, polonisms.

Gauta 2005 01 11

Priimta publikuoti 2005 03 21